

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

И.ДЗЯЛОШИНСКИЙ, генеральный директор Института гуманитарных коммуникаций

Я думаю, что гражданским называется общество, в котором и цели, и средства, и технологии взаимодействия обеспечивают рядовым членам общества право участвовать в принятии решений. То есть для меня очевидно, что есть некие технологии гражданского принятия решений и технологии мобилизационного, милитаристского или псевдогражданского отключения населения от принятия решений, когда наиболее ответственные решения принимаются двумя–тремя индивидами втайне от всех остальных. Управляемая или патронируемая демократия – это блестящая версия негражданского общества.

Говорю об этом потому, что государственный, коммерческий и общественный секторы социума могут взаимодействовать либо в системе гражданского общества, то есть обсуждения версий, согласования интересов, поиска консенсуса, либо в рамках авторитарного механизма управления. Главный смысл и прошлого семинара, и нынешней конференции – выяснить, что именно могут сделать журналисты для того, чтобы мы перешли от милитаристского или феодально–олигархического общества к обществу, в котором каждый гражданин будет иметь возможность участвовать в принятии решений по собственному поводу.

На прошлом семинаре мы с вами выяснили, что для этого необходимо, чтобы журналистское сообщество не только больше писало о деятельности структур гражданского общества, но и само использовало технологии гуманитарной, гражданской журналистики (или журналистики соучастия, журналистики сотрудничества – определений может быть очень много). Только в этом случае мы сможем вовлечь население в процесс обсуждения проблем и принятия решений. Мне казалось, что на том семинаре был достигнут консенсус по этому поводу. И, в общем, мне представлялось, что в течение этого года у нас была возможность проверить: действительно ли использование этих технологий способствует тому, чтобы граждане начинали чувствовать себя не отстраненными от принятия важных решений субъектами, а индивидами, понимающими, что без их личного участия изменить ситуацию в стране весьма проблематично.

Я согласен с Евгением Павловичем Прохоровым в том, что уровень гражданского потенциала в России, если его сравнивать с некими другими, так называемыми, цивилизованными странами, весьма низок. Это объясняется не тем, что плохо поставлена разъяснительная работа, а тем, что сама жизнь такова, что никак этот гражданский потенциал не востребует. Здесь я готов оппонировать Алексею Кирилловичу Симонову. Дело в том, что выдавливать из себя раба может только тот, кто знает, что такое раб, знает, чем раб отличается от не раба, может внутри себя отличить себя–раба от себя–не–раба и обладает технологией "выдавливания раба". Если же человек с детства убежден, что рабская технология поведения естественна и другой не может быть, что ситуация "господин – холоп" – это нормальная ситуация, то чего мы от него хотим? В этих условиях выдавливать из себя раба не будет никто. А ведь эти культурные стандарты закладываются в детстве и кажутся людям естественными.

В структуре нашего населения есть определенная часть индивидов, которые в силу тех или иных причин восприняли стандарты западной культуры с ее культом саморазвивающейся, самореализующейся личности, с ее ценностями гражданского общества, демократии, прав человека, верховенства закона, рыночных отношений. Это

от силы 17–20 процентов. Но остальные—то 80 процентов в этом не нуждаются. Не потому что они плохие. А потому что жизнь, в которой они живут, не нуждается в том, чтобы число людей, ориентированных на названные выше ценности, превышало эту каким—то образом установившуюся норму. Поэтому, когда мы говорим о том, что в России произошла консолидация народа и власти, надо задать вопрос — на какой почве произошла эта консолидация? Большинство независимых аналитиков говорят о том, что эта консолидация стала отражением специфически российского иррационального толкования категорий "порядок" и "справедливость", реализация которого приведет к уничтожению самой возможности выстроить хоть какое—то подобие европейской демократии. Избрание Путина президентом еще раз показало неготовность России к принятию европейских идеалов гражданского открытого общества. Однако союз различных сил, сделавших ставку на Путина, не может быть прочным. Не случайно практически сразу после избрания Президента в стане его сторонников возникли противоречия.

Объясняется это тем, что до сих пор Российское общество не выбрало стратегию культурного, ценностного вхождения в глобализирующуюся мировую цивилизацию. В запутанной реальности наших дней можно выделить три основных конкурирующих версии культурно—ценностного обустройства новой России, которые можно было бы назвать соответственно тенденциями вестернизации, модернизации и фундаментализации.

Тенденция вестернизации связана с уверенностью в неотвратимости построения универсального мирового сообщества, основывающегося на принципах демократии и либерализма, научного и культурного прогресса, повсеместного распространения модели индустриальной или постиндустриальной экономики. Россияне, ориентированные на вестернизацию, хотят участвовать в реализации этого грандиозного исторического проекта. Таких в России насчитывается около 18 процентов. Как правило, это люди с высоким уровнем культурного и интеллектуального потенциала, высшим гуманитарным образованием.

Сторонники другой тенденции, которую можно обозначить понятием "модернизация", считают, что "западный проект мироустройства" сталкивается в России со все более неразрешимыми трудностями и должен быть заменен схожим по форме, но альтернативным по сути процессом модернизации. Модернизация представляет собой особую форму приспособления традиционных обществ к вызовам глобализирующейся цивилизации. Суть модернизации заключается в стремлении сохранить культурные корни и соединить их с элементами современной западной цивилизации. Так, например, усвоение некоторых рыночных параметров организации экономической жизни совмещается с искренней уверенностью в уникальности российской культуры, построенной на принципиально нерыночных основаниях. Нежелание идти на политическое объединение планеты совмещается со стремлением к хозяйственной унификации и т.д. и т.п. Сторонников этой тенденции в России примерно 34 процента. Это в основном люди с высшим и средним специальным образованием.

Наконец, есть третья тенденция, которую можно обозначить понятием "фундаментализация". Этим понятием описывается процесс принципиального и высокомерного отказа от ценностей западного мира и пробуждения комплексных процессов социальной и культурной деградации, осмысливаемой в терминах "возврата к истокам", "припадания к глубинным основам народной мудрости" и т.д. Возникновение и развитие этой тенденции связано с практической невозможностью для достаточно широких слоев населения России в форсированном темпе перейти от одной системы жизненных ценностей к другой, принципиально противоположной. И не надо полагать, что идея возврата к фундаментальным, исконным ценностям русского народа, идея категорического противостояния "тлетворному влиянию Запада" мила сердцу лишь

некоторым маргинальным группам православного духовенства или запутавшихся интеллектуалов. В той или иной форме эти идеи поддерживают не менее трети населения России.

Достаточно высокая поддержка, оказанная населением новому Президенту, говорит о том, что он выбрал курс, отвечающий ожиданиям значительной части граждан. Это курс отказа от вестернизационного проекта, которого придерживался, хоть и непоследовательно, Ельцин, и перехода к эклектической смеси модернизационного и фундаменталистского проектов, одобренных привычной либерально–демократической фразеологией, полученной в наследство от прошлой власти. Это курс на централизацию власти, создание жесткой исполнительной вертикали, не нуждающейся в оппозиции и не приемлющей свободного критического слова. Соответствующие сигналы уже пошли и вряд ли их можно интерпретировать по–другому.

Никоим образом не подвергая сомнению искренность заявлений Путина о том, что он хочет сделать Россию процветающей и уважаемой, смею заметить, что средства для этого он заимствует из XII–XIII веков. Увы, ситуация в мире кардинально изменилась, и то, что помогало Петру I, Наполеону и прочим "делателям истории", нашему Президенту не поможет. А результат, как говорил еще Гегель, есть функция не от целей, а от средств.

Поэтому, как мне кажется, рассчитывать на искренний диалог такой власти с гражданским обществом несколько наивно. Эта власть, пропитанная соками византизма, в принципе не способна к диалогу и рассматривает любого собеседника либо как соратника, либо как врага, либо как объект обработки.

Однако критика, которой уже сейчас подвергается политика нового Президента, противоречия внутри президентской команды свидетельствуют о том, что вопрос о новом курсе еще не решен и здесь предстоят длительные, возможно, многолетние поиски. Тем более, что значительные группы населения ориентированы на западные ценности, и будут добиваться осуществления эффективного взаимодействия страны со стремительно развивающейся глобальной информационной индустрией, активного вовлечения в этот процесс имеющийся в стране высокообразованный (и нередко нестандартно мыслящий) кадровый потенциал, способный действовать в высокоорганизованной и быстро меняющейся среде.

Можно согласиться с тезисом о том, что многолетние усилия по развитию в стране демократии, гражданского общества, формированию новых ценностей дали свои результаты. В регионах появился новый активный слой технической и творческой интеллигенции, молодых лидеров в науке, социальной сфере, бизнесе. Сформировались и окрепли разнообразные правозащитные организации, возникли профессиональные ассоциации и ассоциации бизнеса, аналитические центры, громче слышен голос независимых демократических региональных средств массовой информации. Большинство этих людей и структур заинтересованы в поддержке, развитии и использовании институтов гражданского общества, но силы эти остаются разрозненными.

Однако я сомневаюсь, что в качестве почвы для объединения этих разрозненных сил может выступить глобальная идея общественного договора (Social Contract) между гражданами и государством по принципиальным вопросам политики государства. Думаю, что в ближайшие несколько лет ни о каком общественном договоре не может идти и речи. Наоборот – противоречия между сторонниками названных выше проектов будут углубляться и борьба будет носить все более ожесточенный характер. Мне уже приходилось писать о том, что далеко не все структуры третьего сектора

действительно заинтересованы в развитии демократии и обуздании авторитаризма . Очень не хочется прикасаться к мифу о том, что густая сеть гражданских ассоциаций содействует стабильности и эффективности демократической формы правления, но, похоже, не разрушив этот миф, мы попадем в очень сложное положение.

Я возвращаюсь к главному вопросу: мы можем что-то сделать в этой ситуации или мы будем послушно идти по коридору, который приведет нас к авторитарному режиму?

Мне представляется, что в чисто практическом плане основными препятствиями, мешающими глубокому восприятию основной массой россиян идеей открытого общества, толерантности и т.д., являются (снимая вопрос о глубинных основах российской ментальности) три фундаментальных подмены:

- характерные для Европы сетевые отношения гражданского общества в России подменены коллективистскими отношениями и блатом;
- социальная потребность иметь хорошую деловую и гражданскую репутацию подменена потребностью принадлежать к какому-то клану, который "своих не выдает";
- уважительное отношение к чужой культуре подменено национальным эгоизмом.

Попробую объяснить.

Несмотря на ряд различий между английской, французской и немецкой идеями гражданского общества, соответствующие понятия относятся к единой западной концепции гражданского общества. Основные конститутивные элементы или институты гражданского общества – свободные ассоциации граждан (горожан), экономический рынок и публичная сфера. Но концептуальное единство обеспечивается не столько формальным совпадением структур, сколько тем, что западное гражданское общество сформировалось как общая для многих стран традиция или форма общественной жизни – как историческая конфигурация практик самоуправления, экономического обмена и обмена мнениями (публичных дебатов). Именно на этом общем фоне английская, французская и немецкая политические теории последних двух столетий артикулировали идею гражданского общества. И именно благодаря тому, что новые формы жизни и мышления превратились в устойчивую традицию, о гражданском обществе на Западе постепенно забыли.

Второй жизнью идея гражданского общества, как известно, обязана восточноевропейским и советским "новым левым". Этот забытый термин был превращен в символ оппозиционного политического мышления и действия, в лозунг, который был способен объединить практически любые "антитоталитарные" движения. Западные ученые ответили на это новое явление многочисленными работами на тему гражданского общества, целью которых было, помимо прочего, подвести теоретическую базу под восточноевропейский энтузиазм.

Ирония истории заключалась, однако, в том, что по мере продвижения "антитоталитарных" реформ в странах Восточной Европы и особенно в России разрыв между возрожденной концепцией гражданского общества и реальностью, которую этот термин призван был представлять, становился все более и более явным. А потому попытки спроецировать концепцию гражданского общества на политическую реальность бывшего советского блока в надежде найти элементы, аналогичные западному "оригиналу", неизбежно приводили к разочарованию.

Современное российское общество включает сложный набор преобразованных элементов советского общества и новых образований. Во-первых, старые советские коллективы либо разрушены, либо пришли в состояние, которое за неимением лучшего

термина можно обозначить как постколлектив: связи, превращавшие малую контактную группу в коллектив, сильно ослаблены.

Дружеские сети, существовавшие прежде на "оборотной" стороне советского общества, стали явной частью постсоветского бизнеса и клановой политики. Особую пикантность ситуации придает широко распространенная практика "блата", то есть самобытной формы неденежного обмена, бартера услуг, предоставляемых на основе личных отношений, использования личных контактов (каналы, сети) для получения доступа к общественным ресурсам: товарам, услугам, источникам дохода (образование, рабочие места, должности и т.д.) и привилегиям в обход формальных процедур, регулирующих доступ к ресурсам личного потребления.

В негосударственной сфере появился постсоветский термин "корпоративность", которым обозначают принадлежность к кругу "своих" людей. У этого понятия – два смысла. Первый: оно означает критерий, по которому принимается решение, кому предоставить ту или иную возможность. Второй: подразумевается доверие, поскольку главная цель корпоративности – уменьшить сложность среды и снизить риск. Логика корпоративности узнаваема: иметь дело со "своими" и поддерживать их.

Поэтому, как мне представляется, одна из важнейших задач, без решения которой трудно говорить о создании гражданского общества – формирование разнообразных сетевых структур некланового, характера, "склеивающих" индивидов и организации в ответственное гражданское общество.

Вторая ключевая проблема – пренебрежение к понятиям "репутация", "честь", "достоинство", "честное имя".

Во всем цивилизованном мире эти понятия являются не просто юридическими категориями, но и обладают совершенно отчетливым экономическим и социокультурным содержанием. Серьезные социологические исследования, проводимые во всем мире, однозначно показывают: от 30 до 50% рыночной стоимости компании составляют нематериальные активы, такие как состоятельность менеджмента, общественное признание, социальная ответственность и т.п.

К сожалению, в России значимость репутации осознается очень медленно. До сих пор нечистоплотные политики, бизнесмены, общественные деятели как ни в чем не бывало выступают на общественной сцене и у общества нет таких механизмов, которые могли бы обеспечить процесс естественного самоочищения. Поэтому необходимо возбудить общественный интерес к проблеме репутации, обеспечить такое развитие сетевых структур, при котором эти структуры не только защищали бы "своих", но и выступали бы гарантом высокой деловой и гражданской репутации. Здесь огромное поле для журналистских проектов, тренингов и обучающих семинаров для предпринимателей, бизнесменов, журналистов, сотрудников рекламных и PR-агентств.

Переходя к проблеме противостояния мультикультурализма и национального эгоизма, хотел бы отметить следующее. Мультикультурализм родился из осознания непродуктивности ассимиляторских усилий со стороны государства. Приблизительно с 70-х годов возникает понимание невозможности добиться этнокультурной гомогенности общества и формируется идеал интеграции без ассимиляции. На общество начинают смотреть не как на культурное единство, а как на совокупность равноправных этнокультурных и этнорелигиозных сообществ. Два высокоразвитых государства Северной Америки формулируют так называемую affirmative action – стратегию, нацеленную на преодоление дискриминации во всех сферах общественной жизни, обеспечение равных шансов при трудоустройстве и получении образования, отмену скрытых и явных препон в административной карьере и т.д. И хотя первые результаты

этой политики были далеко не однозначными, сам подход становится общепринятым.

Россия, в силу исторических обстоятельств, является изначально мультикультурной страной. Каждый пятый россиянин принадлежит к какой-либо нерусской этнической группе, и в большинстве случаев эта принадлежность не формальна, а связана с культурной идентичностью. Однако в сознании правящей политической элиты доминирует ориентация на национальное государство. В моделях будущего развития, разрабатываемых московскими идеологами, российское общество предстает культурно однородным ("русско-православным"). Тем самым почти 30 миллионов человек, в этническом или религиозном отношении не вписывающихся в эту модель, как бы выносятся за скобки. Для тех, кто не ощущает принадлежности к русскому (православному в религиозном отношении) сообществу, в символическом пространстве национального государства не остается места. Молчаливое отождествление российского государства с русским подменяет политическую лояльность этнической, что, разумеется, не способствует формированию гражданского сознания у этнически нерусских россиян.

Таким образом, назрела необходимость проведения грамотной мультикультурной политики в самых разных сферах общественной жизни. Особенно важно включить в это движение детей, которым предстоит жить в мультикультурном обществе. Необходимо реализовать комплекс проектов, направленных, во-первых, на формирование дискуссионного поля, обеспечивающего поиск и апробацию различных идей, реализация которых позволила бы ослабить, а возможно и развязать тугую узел противоречий, возникающих в связи с сосуществованием в России множества различных культур, во-вторых – на проведение различных мультикультурных мероприятий с участием детей и их родителей.

В частности, речь может идти об организации конкурсов региональных средств массовой информации, школьных и внешкольных образовательных учреждений с целью вовлечения их в освещение данной тематики и активизацию интереса лидеров мнений, культурных и общественных деятелей, а также населения к вопросам мультикультурального развития детей и взрослых, противодействия влиянию (особенно на детей) национализма и религиозно-культурного фундаментализма.

В целях лучшего информирования журналистов, работников учреждений культуры, образовательных учреждений, широкой общественности о сути проблемы мультикультурализма, в регионах возможна разработка и реализация программ информационной поддержки. В рамках этой программы известным деятелям культуры, писателям, журналистам, можно было бы заказать серию статей по проблемам мультикультурализма, которая затем будет предоставлена бесплатно для публикации региональным газетам.

Возможно проведение семинаров для журналистов, педагогов, работников культуры, сотрудников и активистов внешкольных образовательных учреждений, занимающихся данной проблематикой. Конечной целью семинаров будет передать участникам такие знания и навыки, которые они смогут практически использовать по развитию мультикультурализма и противодействию идеологии национальной ограниченности.

Наконец, можно было бы организовать Всероссийский мультикультурный фестиваль, призванный показать как национальную самобытность народов, населяющих Россию, так и взаимопереплетенность, взаимопроникновение, мультикультуральность образов жизни, обычаев, кухни, музыки, танцев, традиций.

В заключение я хотел бы сформулировать несколько тезисов, которые, мне кажется, надо сейчас всем нам понять, чтобы не потерять ориентиры в быстро меняющейся

ситуации.

Во–первых, речь идет о глобализации мирового пространства во всех смыслах: экономическом, социальном, коммуникативном и так далее. В рамках этого глобализационного процесса происходит полная перестройка и социальных и информационных отношений. Традиционное деление социального пространства на национальные, профессиональные, этнические группы теряет свой смысл, возникают совершенно иные группы, требующие своих коммуникативных механизмов. Возникает потребность в самоопределении личности не только по национальному, политическому и иному критерию, но и по трудноуловимым сейчас, но уже ощущаемым людьми критериям, нужны новые коммуникативные ресурсы для этих групп. И в этой связи мне очень понравилась идея, когда группа студентов–правозащитников начинает создавать свой собственный бюллетень, они центрируются вокруг коммуникативного ресурса.

Во–вторых, мы с вами являемся свидетелями переплетения коммуникативных систем. Раньше был мир событий отдельно, мир репутаций отдельно, мир товаров и услуг отдельно, мир идей отдельно и т.д. Соответственно, можно было четко отличить журналистику, которая освещала мир событий, от рекламы, которая занималась миром товаров и услуг и от паблик рилейшенз, формировавших репутации. Сейчас возникает ситуация, когда люди с трудом определяют, где кончаются события и начинается товар, где кончается идея и начинается репутация. У нас с вами на глазах возникает такое переплетение, что, будь ты хоть семи пядей во лбу, сидишь и думаешь: "Все –таки это что? Это имидж, или это событие, или это уже товар?" Событие становится товаром, товар становится событием, и так далее. В рамках всех этих процессов, естественно, меняются все классические технологии деятельности. Вопрос о грязных, серых и белых технологиях. PR — это как раз отсюда, потому что любая попытка разговора со специалистами в области PR встречает жесточайший отпор: нет грязных технологий, уверяют они, это все вами же было придумано, журналистами.

В–третьих, происходит становление и развитие диалоговых форм и технологий общения. До сих пор основными технологиями воздействия на получателя информации являлись традиционные: информационное насилие, манипуляция и убеждение. Сейчас появляются признаки того, что в сфере коммуникации, в частности в бизнес–среде, меняются приоритеты, то есть главным становится не трансляция информации и подчинение клиента воле производителя, а контакт с клиентом, коммуникация с клиентом.

Эта коммуникация явно проходит по трем фазам или трем стадиям. Первая фаза – это просто диалог. Клиент и менеджер, или представитель фирмы и потребитель вступают в диалог по поводу будущей сделки или товара.

"А ты какую машину хочешь?" – спрашивает менеджер и тщательно записывает: "Голубые колеса, зеленая крыша и коричневый руль". "Клиент всегда прав" – это максима, которую я не люблю, но сейчас она, кажется, приобретает какой–то иной смысл.

Вторая стадия этого процесса связана с попыткой перейти от диалога к взаимодействию: "Давай вместе решать наши проблемы". Тогда аудитории, массы, группы вовлекаются в процесс совместных действий. Допустим, бизнесмены и клиентура вместе решают проблемы развития бизнеса или, скажем, среды обитания этого бизнеса. Возникла концепция социальной ответственности бизнеса, создатели которой понимают, что качество твоего бизнеса определяется тем, насколько население региона, где ты строишь свой бизнес, вовлечено в твои дела – вовлечено внутренне, а не на уровне манипуляторных технологий.

И третья стадия связана с идеей солидарности и сотрудничества. Для человека, воспитанного на марксистской догме взаимной ненависти работника и работодателя, такая идея кажется нелепой и смешной, однако, похоже, что она становится вполне прибыльной.

Хочется надеяться, что если те страны, которые мы называем Западом, прошли через искус манипуляций и насилия и начинают обращать внимание на иные коммуникативные технологии, то, может быть, и мы созреем до этого?

Я понимаю, что во все это верится слабо. Слишком очевидно противоречит то, что у нас происходит, тому, что я говорю. А если вспомнить о том, что у нас за спиной есть немало специфических друзей – Ирак, Иран, Ливия, Сирия, Северная Корея и т.п., то и вовсе все покажется несбыточной мечтой. Я все это понимаю, но верю в то, что есть некий мировой процесс, который вовлекает в движение в определенном, уже ясном (по крайней мере, для меня) направлении всех, а поскольку мы не последние в этой системе, то, соответственно, может быть, у нас все будет более или менее нормально.